

Веб-журнал "Европейская Афиша" №11 17/11/2011– www.afficha.info

Больше, чем любовь.

Екатерина Богопольская

Жоэль Поммера или Помра (1963) - один из немногих французских режиссеров, каждая новая постановка которого на протяжении последних 6-7 лет вызывает неизменный интерес. Главная отличительная особенность Помра от других собратьев по цеху в том, что он ставит только пьесы собственного сочинения. Авторский театр Помра - это всегда необычно актуальное высказывание о современном мире, облаченное в соответствующую этому высказыванию оригинальную художественную форму. Можно сказать по-иному: Помра пишет остро-социальные пьесы, но облачает их в изысканную театральную форму.

В сущности, Помра самоучка, в 16 лет бросил школу, в 18 начал играть на сцене, в 23 - писать пьесы, в 27 организует собственную труппу, которую называет «Compagnie Louis Brouillard» (Луи Бруйяр – несуществующий персонаж, литературная маска). В 2006 году сразу три спектакля Помра – «К миру», «Красная шапочка» и «Торговцы» – показываются в рамках юбилейного шестидесятого Авиньонского фестиваля. В 2007 году Помра удостоивается Гран-При в области драматургии за пьесу «Торговцы». В этом же году «Compagnie Louis Brouillard», у которой нет собственной площадки, становится на три года резидентом возглавляемого Питером Бруком Театра Bouffes du Nord. С 2010 и сроком на три года Помра приглашен как ассоциированный режиссер в Одеон-театр Европы и до 2015 – в Национальный театр в Брюсселе. В 2011 году за спектакль «Моя холодильная комната» он получает одновременно несколько «Мольеров» и Гран-При французской критики как лучший спектакль сезона. «Золушка» была поставлена в Национальном театре в Брюсселе с бельгийскими актерами в октябре 2011 года.

Photo Cici Olsson

После «Красной Шапочки» (2004) и «Пинокио»(2008), Помра решил переписать «Золушку». История, как всегда, получилась не по-детски печальная, и немножко не по-сказочному ироничная: как истинный постмодернист, Помра не просто разбивает сложившиеся стереотипы, он вступает с ними в игру.

Впрочем, все по-порядку. Ну, во-первых, забудьте о бедной сироте, молчаливо сносившей обиды злой мачехи и сестер, а потом по мановению волшебной палочки доброй феи встретившей на балу своего принца. В колючей, острой на язык Золушке Деборы Руаш нет ничего от условного персонажа сказки Перро - это скорее, современная девочка-подросток с упрямым и очень сильным характером. Отец ее даже побаивается, и не осмеливается перечить. Мачеха решила девочку воспитать, для ее же блага, как она сама это понимает, то есть в прямом и переносном смысле запаковав в корсет.

Спектакль ведет рассказчица - загадочный закадровый голос с легким иностранным акцентом (итальянка Марселла Каррара) рассказывает приключившуюся с ней самой в далекой стране давнюю историю, словно оглядываясь назад с высоты прожитой жизни. Именно этот голос напоминает нам о мире чудесного, тогда как на сцене играется история, очень далекая от волшебной сказки.

Помра начинает спектакль со сцены с умирающей матерью, не существующей ни в одной из версий «Золушки» - ни у братьев Grimm, ни у Перро. Здесь эта сцена своего рода ключ ко всему тому, что произойдет позднее. «Очень молоденькая девушка», или Сандра - так названа в спектакле Помра Золушка, последние слова матери перед смертью слышит неотчетливо, поэтому интерпретирует на свой лад, ей слышится: «ты должна вспоминать обо мне все время, и тогда я буду продолжать жить». Девочка воспринимает это наставление дословно - и все существование превращает в воспоминание о матери, а собственную жизнь в кошмар, в котором чем ей хуже, тем лучше. Что бы мачеха не предложила ей, воспринимает как законное наказание, и даже старается по возможности усугубить все беды. «Мне только на пользу пойдет собирать мертвых птиц руками... - Ты будешь чистить туалеты на всех трех этажах дома... - Мне это понравится, мне только на пользу пойдет чистить туалеты...». То есть Сандра сама отгородилась от мира своим несчастьем, сама садомазохистки себя наказывает - за то, что не всякую секунду жизни думает об умершей. Эффект почти комический, особенно когда периодически, и не к месту, срабатывает будильник на ручных часах, напоминающий о том, что она позабыла думать о матери.

Наивная мораль волшебной истории просеивается сквозь сито постмодернистской иронии. Здесь вы не найдете кареты из тыквы, и хрустальных башмачков, а фея, уставшая от бессмертия развлекается (неудачно) карточными фокусами. Вообще, у этой современной феи (Ноеми Карко играет одновременно и фею, и одну из сестер) проблемы, как у всех, - оказывается бессмертие забавно только первые двести, ну от силы триста лет. Потом становится скучно.

Помра играет с нашим восприятием, обманывая все ожидания. Ждете фею? Ничего подобного, не будет никакой стереотипной феи, способной по мановению волшебной палочки превратить замарашку в сказочную принцессу. С этим у здешней феи проблема - в момент превращения что-то всегда не срабатывает, то короткие штанишки появятся на Золушке - Сандре вместо бального платья, то вообще сама она превратится в неведому зверушку. Так что Сандра решает в конце концов сама помочь незадачливой фее и предлагает без всяких превращений одеть мамино вечернее платье.

Ждете прекрасного принца? Вместо него на сцене появляется неуклюжий, замкнутый, маленького рода коренастый мальчишка. Очень грустный и не менее, чем Золушка, несчастный (да еще сыгранный актрисой, Каролин Доннели). С Золушкой его сближает не красота последней, не магический наряд и прочие хрустальные туфельки, нет, это встреча двух близких душ, двух сирот, встреча через боль. У принца, так же, как и у девочки, умерла мать. И король вот уже десять лет боится объявить ему об этом, предпочитая лгать, что она в путешествии, и вернуться не может (по причине забастовки транспорта, например). Мальчик в эту ложь верит, и все десять лет каждый вечер ждет звонка. Золушка - первая, кто осмеливается сказать ему правду. Причем, трагикомическая неадекватность принца открывает Золушке глаза и на собственную неадекватность. Ничего от волшебного лепета традиционной сказки о любви.

Конечно, немного грустно, что у детей отнимают мечту о прекрасном принце, но встреча с чудесным в современной сказке Помра – это встреча с самим собой. Золушка не выйдет замуж за принца, но на всю жизнь они останутся друзьями, подарив друг другу то, что ценится не меньше, чем любовь - обретенную возможность быть самим собой, освобождение от фобий и страхов. Наверное, такой подход современному сознанию ближе, чем сказочный хэппи-энд.

Другая находка Помра - мачеха. Мачеха, названная здесь «будущей женой отца», не столько злая, сколько самовлюбленная. Карикатура французской буржуазной дамы. Например, живет она в доме с прозрачными стенами - неудобно, и птицы гибнут, сталкиваясь с невидимым препятствием, но зато как стильно! Мачеха здесь - персонаж откровенно гротесковый, и каждое появление характерной актрисы Катрин Местуссис вызывает взрывы хохота. Помра саркастически осмеивает и другую фобию современного общества - погоню за вечной молодостью, причем доводит эту тему до абсурда: узнав о то, что принц заинтересовался незнакомкой, с которой столкнулся по дороге на бал, мачеха, не сомневаясь, видит в незнакомке себя. То есть соперницы Золушки здесь не сестры, а она. Хотя, наверное, именно мачеха ближе всех традиционному персонажу сказки Перро, - есть и долгие сборы на бал, и романтические мечтания о прекрасном принце. Но они разбиваются в прах при встрече с реальностью: мачеха и сестры приезжают на бал в костюмах стиля века жеманниц-маркиз и пудренных париков, а оказываются на королевской вечеринке в стиле *rave party*. Не зная куда деваться от стыда, дамы с позором убегают...

В конце зло все же наказано: фея наколдует, чтобы птицы не погибли, зато во много раз усилен звуковой эффект столкновения со стеной – дом мачехи, из которого успевают уехать Золушка с отцом, заполняется inferнальными звуками.

«Я прожила долгую и счастливую жизнь», - скажет о себе напоследок рассказчица, подводя финал своему повествованию. Заканчивается же все той же самой сценой с умирающей - здесь впервые по-настоящему проявляется волшебство феи, возвращающей время вспять и позволяющей Золушке разобрать наконец последние слова матери, сказавшей на самом деле : «Когда тебе будет не хватать мужества, вспомни обо мне, и обязательно с улыбкой».

Помра говорит, что пишет спектакли, а не драматургические тексты, то есть сразу закладывается вся партитура будущей постановки. И прежде всего свет, знаменитая светописьм постоянному соавтора Помра Эрика Суае: работа над освещением проходит параллельно всему процессу создания спектакля, а не добавляется к законченной мизансцене. В «Золушке» куб сцены, обычная серая коробка, благодаря игре света и видеопроециям, превращается то в мрачную комнату Сандры, то в дом с прозрачными стеклянными стенами, где живет мачеха, то в залы дворца. И в любом случае именно освещение создает – пусть только намеком, пунктиром, онирическое пространство, где, несмотря ни на что, может случиться чудо.